

МАРСЕЛЬ ПРУСТ О Л. Н. ТОЛСТОМ: PRO ET CONTRA*

21 января 1918 года М. Пруст (1873–1922), желая развеять тучи недоразумения, омрачившие было его дружеские отношения с блистательной русской красавицей М. Шейкевич (1884–1964), разразился признанием в любви к России, под конец которого обронил такую фразу: «Знайте, что я всегда буду верен России Толстого, Достоевского, Бородина и мадам Шейкевич».¹ Оставляя вопрос о дружбе французского писателя с парижской светской львицей российского происхождения для последующих изысканий, заметим, что в этих словах Пруста сказался не только банальный политес, предписывавший утешить даму, потерявшую в революционной России свое состояние, но и выношенное убеждение в том, что русская культура, прежде всего литература, но также музыка, балет, театр имеют первостепенное значение для формирования «французского духа» рубежа XIX–XX веков. Непростая история восприятия Прустом творчества Толстого — наглядное тому подтверждение.

Духовная встреча с жизнью, моральным учением и литературным творчеством Толстого вылилась в своеобразные умственные странствия Пруста, продолжавшиеся без малого тридцать лет — все те годы, в течение которых автор предавался своим «Поискам потерянного времени»,² предуготовлению и творению великого романа, поставленного еще при жизни автора в один ряд с «Войной и миром».³ Не будет большого преувеличения, если мы скажем, что всю свою жизнь Пруст писал свою «Войну и мир», ибо семитомная эпопея есть не что иное, как роман о мире, т. е. умиротворенной, но преисполненной заговоров, козней и тайн жизни высшего света Парижа Belle époque; в то же время — роман о войне, о Великой войне 1914–1918 годов, перекроившей политическую и духовную карту Европы еще сильнее, нежели те победы и поражения, о которых писал в своем романе русский писатель.

Цель настоящей работы заключается в том, чтобы обозначить точки отправления этого причудливого странствия в сторону Толстого, предпринятого

* Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01832 «Русская литература в интеллектуальной жизни Франции рубежа XIX–XX веков», <https://rscf.ru/project/23-28-01832/>.

¹ Proust M. Correspondance / Texte établi, présenté et annoté par Ph. Kolb. Paris: Plon, 1989. Т. 18. Р. 76. Здесь и далее перевод мой. — С. Ф.

² Мы отступаем от устоявшегося русского перевода названия романа по причинам, о которых нам уже случалось писать: Фокин С. Пруст, которого мы не знали [Рец. на: Proust Marcel. Le Mystérieux correspondant et autres nouvelles inédites. Suivi de «Aux sources de la „Recherche du temps perdu“» / Textes transcrits, annotés et présentés par Luc Fraisse. Paris, 2019] // Новое литературное обозрение. 2020. № 5. С. 387–395.

³ В одной из статей 1920 года роман «Под сенью девушек в цвету», удостоенный в 1919 году Гонкуровской премии, приравнивался к «Красному и черному» Стендаля, «Воспитанию чувств» Флобера и «Войне и миру» Толстого (см.: Le Cardonnel G. Romans: Les œuvres de M. Marcel Proust // La Minerve française. 1920. Vol. 4 (15 janvier). P. 219–223).

начинающим писателем на заре литературной жизни и завершившегося под конец «Поисков» своего рода отречением от благоприобретенного «толстовства»: по мере разрастания романа автор «Войны и мира» перестал быть маяком в творческих странствиях французского писателя, бесповоротно уступив это место автору «Идиота». Как замечено в одном из итоговых исследований по нашей теме: «Пруст страстно читал двух главных русских романистов XIX века, и Толстой, несомненно, имел для него такое же значение в пору ученичества, как Достоевский в последние годы жизни».⁴

Разумеется, тема эта не нова: есть несколько работ, авторы которых обращались к изучению различных аспектов рецепции Прустом многогранного творчества русского писателя и мыслителя.⁵ Однако до сих пор не было работ, в которых бы «толстовство» Пруста рассматривалось в строго исторической перспективе с опорой на новейшие мемуарные и эпистолярные источники; такого рода исследование тем более актуально, что в 2022 году во Франции вышло новое научное издание всех критических этюдов Пруста, подготовленное группой ученых во главе с А. Компаньоном.⁶ Это издание, снабженное основательным критическим и текстологическим аппаратом, не просто дополнило прежние редакции книги «Против Сент-Бёва» и отдельных сборников исследований и литературоведческих опытов романиста, но и, представив в наиболее полном виде его творческую лабораторию, поставило под вопрос сложившиеся представления о Прусте-критике и теоретике романа. Вот почему многие темы, связанные с интеллектуальной эволюцией романиста, требуют более пристального внимания или даже пересмотра.

Как утверждает в исследовании А. Ферре, Пруст начал читать Толстого в предпоследнем классе коллежа (1886–1887): тогда открытие романа «Анна Каренина» стало одним из главных литературных событий в жизни подростка.⁷ Предваряя дальнейшее изложение и истолкование свидетельств той власти, что возымел над мыслями молодого Пруста русский писатель, выскажем предположение, что речь идет не столько о влиянии, которое может оказать один автор на другого и которое может сказываться в тех или иных формах творческого диалога, сколько о своего рода пребывании под знаком или даже во власти Толстого, авторитет которого проникал в само существо начинающего литератора, отложившись в виде особого слоя в основаниях его творческой личности. Иными словами, власть Толстого распространялась и на жизнь Пруста, как она складывалась на рубеже веков, и на философию творчества писателя, как она формировалась в критических этюдах, так или иначе связанных с замыслом книги «Против Сент-Бёва», и на его собственно литературные начинания, как они сказались в первой книге «Утехи и дни» (1896) и незавершенном романе «Жан Сантей» (1895–1899), к которым в самое последнее время присоединился извлеченный из литературного небытия сбор-

⁴ Chardin Ph. Tolstoï (Léon) // Dictionnaire Marcel Proust / Publ. sous la dir. de A. Bouillaguet et B. G. Rogers. Paris, 2004. P. 1004.

⁵ См.: Марсель Пруст читает Достоевского и Толстого / Вступление и пер. с фр. Н. Суслович, И. Розенталь // Вопросы литературы. 1971. № 11. С. 252–259; Henry A. «Les Plaisirs et les jours»: Chronologie et métépsychose // Cahiers Marcel Proust. 1973. № 6. P. 60–93; Ерофеев В. В. 1) Пруст и Толстой // Толстой и наше время. М., 1978. С. 289–308; 2) Толстой в оценке и восприятии Пруста // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1978. Т. 37. № 4. С. 298–307; Chardin Ph. De la contemplation du grand ciel tolstoïen au dialogue critique: Proust lecteur de Tolstoï // L'ours et le coq. Paris: Presse de la Sorbonne nouvelle, 2000. P. 127–138; Таганов А. Н. Обретение книги: Марсель Пруст в поисках утраченного времени. М., 2022. С. 41.

⁶ Proust M. Essais / Éd. publ. par A. Compagnon, C. Pradeau et M. Vernet. Paris: Gallimard, 2022.

⁷ Ferré A. Les années de collège de Marcel Proust. Paris: Gallimard, 1959. P. 158.

ник новелл «Таинственный корреспондент», создававшийся в эти же годы.⁸ Таким образом, это напряженное внимание Пруста к Толстому мы попытаемся представить на трех уровнях — персональной жизни молодого литератора, философии творчества и собственно в литературных произведениях; соответственно главными источниками нашей работы являются переписка писателя, его критические этюды и литературные тексты.

В августе 1894 года молодой Пруст пишет одному из друзей, что завидует ему, поскольку тот читает «Войну и мир», но тут же добавляет, что тот может позавидовать ему, так как он перечитывает «Анну Каренину».⁹ Этот пассаж — первое документальное свидетельство знакомства начинающего писателя с творчеством Толстого. Прежде всего, он интересен самой темой зависти/ревности, которая входит в круг ключевых мотивов как самой светской жизни, в которой молодые парижские снобы стремятся перещеголять друг друга, в том числе на умственном поприще, демонстрируя свою начитанность, остроумие, интеллектуальный шарм, так и светского романа, представляя собой одну из главных действующих сил в комедиях и трагедиях любви, которые постоянно разыгрываются как в произведениях Толстого, так и в социальной эпопее Пруста.¹⁰

Необходимо напомнить, что в эти годы во Франции Толстой является необыкновенно популярным автором: его имя у всех на устах — от гостей и хозяек великосветских салонов до провинциальных лицеистов и студентов Сорбонны.¹¹ Ироничный отголосок моды на Толстого в Париже того времени звучит в третьей части эпопеи Пруста: «И кстати, немало лет тому назад мадмуазель де Германт (Ориана), не имея сколько-нибудь существенного состояния, будоражила Париж своими туалетами больше, чем все Курвуазье вместе взятые. Даже ее скандальные речи служили своеобразной рекламой ее нарядам и прическе. Она посмела сказать российскому великому князю: „Ваше высочество, говорят, вы собираетесь убить Толстого?“, причем было это на обеде, на который Курвуазье, имевших о Толстом самое смутное понятие, вообще не пригласил. <...> Нетрудно вообразить, в какой восторг привела Германтов, а также все их ближнее и дальнее окружение „выходка“ насчет Толстого, возмущившая Курвуазье».¹² Разумеется, о Толстом рассуждали не только в салонах: имя русского писателя не сходило со страниц газет и журналов того времени, освещавших труды и дни автора «Войны и мира», появилось даже понятие «французское толстовство», более того, начались нешуточные баталии между «толстовцами» и «анти-толстовцами».¹³

Напомним также, что первый перевод «Войны и мира» вышел в свет в 1879 году и пользовался громадным успехом;¹⁴ в 1886 году был опубликован «Русский роман» Э. М. де Вогюэ (1848–1910), в скором времени завоевавший умы просвещенных французских читателей; в январе 1888 года в парижском

⁸ См. рус. пер.: Пруст М. Таинственный корреспондент. Новеллы / Пер. с фр. и комм. С. Л. Фокина. М., 2021.

⁹ Proust M. Correspondance. T. 1. P. 318.

¹⁰ Тема ревности у Толстого и Пруста (а также И. Звево) посвящена коллективная монография: La jalousie: Tolstoï, Svevo, Proust / Études recueillies par J. Bessière. Paris: H. Champion, 1996.

¹¹ Linstrom T. S. Tolstoï en France (1886–1910). Paris: Institut des études slaves, 1952.

¹² Пруст М. Сторона Германтов / Пер. с фр., предисловие, прим. Е. Баевской. М., 2020. С. 259–260.

¹³ Подробную библиографию критических откликов см.: Linstrom T. S. Tolstoï en France. P. 155–166.

¹⁴ См. об этом: Окутюрье М. Первая переводчица «Войны и мира» на французский язык княгиня Ирина Паскевич // Материалы I Международного семинара переводчиков произведений Л. Н. Толстого. Ясная Поляна, 2007. С. 5–30. См. также: Рогалев А. Ф. «Une russe» — первый переводчик романа Л. Н. Толстого «Война и мир» на французский язык // Вестник Самарского гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2003. № 2. С. 4–9.

театре «Антуан» состоялась премьера «Власти тьмы», которая вызвала единодушное восхищение столичных зрителей, несмотря на то что драма русского писателя была «чужда традициям французского театра».¹⁵ Чуть раньше появился сборник под названием «Смерть», в который помимо «Смерти Ивана Ильича» вошли отрывки из других произведений русского писателя, в том числе описание смерти князя Андрея из «Войны и мира».¹⁶ Он был составлен И. Д. Гальпериным-Каминским (1858–1936), который в том же году опубликовал перевод книги рассказов «В поисках счастья», а со временем стал одним из главных популяризаторов сочинений и учения Толстого во Франции. Любопытно, что Гальперин-Каминский, прежде чем полностью посвятить себя литературному труду, преподавал в парижском лицее Кондорсе, где как раз в годы появления первых переводов Толстого учился Пруст. Так или иначе, но именно книга «Смерть» могла поразить воображение молодого человека, что, по всей видимости, отразилось в некоторых новеллах сборника «Утехи и дни», в частности в «Смерти Бальтасара Сильванда».¹⁷

Парижские снобы цитировали Толстого по всякому поводу, а то и без повода. Один из ранних этюдов Пруста, включенный в книгу «Утехи и дни», характерно называется «Снобистке» (первоначально опубликован в *Revue blanche* в декабре 1893 года), он начинается со ссылки на Толстого, т. е. имя русского писателя является своего рода паролем, сноб узнает сноба через знак причастности к модной словесности: «Конечно, душа ваша, как говорит Толстой — это темный лес. Однако деревья в нем особенного вида: они генеалогические».¹⁸ Далее следует тирада, в которой развенчивается тщеславная страсть снобов к сближению с истинной, родовой аристократией, стремлению жить другой — блистательной — жизнью, бежать что есть сил банальности существования. В этом отношении немаловажным обстоятельством является то, что новый кумир снобов — русский граф.

Апофеоз этого интеллектуального снобизма запечатлен в одном наброске к незавершенному роману «Жан Сантей», где в страсти ко всему сиятельному перемешивается все — успешные университетские карьеры, модные рединготы, изящные изречения, знакомства с сильными мира сего, приятельские отношения с модными писателями, Жокей-клуб и Салон. Представляя светский идеал своего персонажа, автор пишет: «Теперь, когда идеал сверхчеловека уже не представлялся ему в виде лауреата всех конкурсов, ему казалось, что он различал этот идеал в чертах человека, чьи рединготы были так же оригинальны, обладали такой же изящной цветовой гаммой, были столь гармонично покроены, как сами его мысли, который ко всему прочему был в той же мере хорош собой, в той же мере отважен, в той же мере умен, скромен и изящен, в какой был художником и интеллектуалом, к тому же был другом как герцогини де Ревейон и принцессы Уэльской, так и Анатоля Франса, Ибсена и Толстого, заботился о благе своих крестьян и однако же отличался невероятной элегантностью, который в один и тот же день был избран вице-президентом Жокей-клуба и награжден золотой медалью в Салоне, чей дом был таким же шедевром, как и его картины, который, наконец, питал к мадмуазель де Гиз страсть благородную, жгучую, редкостную, меланхолическую, словом, был похож на него...»¹⁹

¹⁵ *Linstrom T. S. Tolstoï en France. P. 35.*

¹⁶ *Comte Léon Tolstoï. La Mort / Trad. et précédé d'une préface par M. E. Halpérine. Paris: Perrin et Cie, 1886.*

¹⁷ Параллель убедительно подтверждается в довольно пространном исследовании: *Henry A. «Les Plaisirs et les jours»: Chronologie et métépsychose. P. 60–93.*

¹⁸ *Proust M. Jean Senteuil, précède de Plaisirs et les jours. Paris: Gallimard, 1971. P. 45.*

¹⁹ *Ibid. P. 446.*

В первом романе Пруст пишет о вымышленном персонаже, от которого, однако, не может отстраниться, несмотря на повествование от третьего лица: в Жане Сантее столько всего от автора, что даже в местоимении «он» угадывается «я»; роман был отложен из-за детской болезни автобиографизма, которой молодой писатель перестал страдать, когда праздное существование светского сноба и литератора-дилетанта стало перерождаться, обретая опыт в переживании потерь самых близких людей — отца, матери, милого и коварного друга Альфреда Агостинелли.

В процессе перерождения романа одну из заглавных ролей играет жанровая формула «светского романа», которая так или иначе соотносится почти со всеми текстами раннего Пруста: очевидно, что одним из составляемых этой формулы стали именно романы Толстого, в котором молодой Пруст видел, прежде всего, великого знатока законов социального поведения, наряду с этим — романиста весьма узкого круга тем, к которым писатель возвращался от романа к роману. В ранних новеллах Пруст, подобно Толстому, не боится быть довольно монологическим или даже монотонным, несмотря на разнообразие стилевых решений, к которым он прибегает в каждом отдельном тексте. «Поиски» тоже представляют собой роман скорее монологический, чем полифонический, поскольку все многоголосие эпопеи пропускается через голос персонажа, который все время говорит «я» и под занавес этого моноспектакля мало-помалу сливается с образом автора.

Таким образом, наряду с творениями Бальзака, Стендаля, Флобера романы Толстого, прежде всего «Анна Каренина» и «Война и мир», составляют своего рода методологическую опору для *критики светского разума*, которой обобщаются «Поиски»: речь идет о критике «блеска и нищеты» светской жизни, в которых купаются персонажи новой «Человеческой комедии», теряя время жизни в интригах и кознях, праздности и пустословии, снобизме и тщеславии. Однако парадокс романа Пруста заключается в том, что критика этого разума предпринимается с точки зрения самого светского разума: именно подавляя в себе сноба, жаждущего быть принятым в лучших домах Парижа, внутренне перерастая модного хроникера, которым он предстает в глазах современников, преодолевая в себе литератора-любителя, эфемерной славой которого он пользовался после выхода первой книги, Пруст творит в себе романиста, противопоставляющего «ничто» светской жизни и искусству казаться «бытие» писателя, живущего одиночеством, сознанием смерти, работой памяти.

Прочитанный выше пассаж, в котором Пруст говорил о том, что перечитывает «Анну Каренину», относится к августу 1894 года, когда во Франции как гром среди ясного неба уже дважды прогремела антипатриотическая отповедь Толстого, представленная в статье «Христианство и патриотизм» и полемически направленная, напомним, против официальных чествований сближения России и Франции, вылившихся, среди прочего, в прибытие русской эскадры в Тулон в начале октября 1893 года, где с того времени и по сей день красуется набережная Кронштадта, тогда как в русском городе-крепости чуть раньше явилась миру Тулонская аллея.

Действительно, в 1894 году во Франции был опубликован перевод неподцензурной статьи «Христианство и патриотизм» — сначала во влиятельной газете «Le Journal des Débats littéraires et politiques», затем — отдельной книгой в издательстве «Perrin».²⁰ Именно этот текст Толстого стал своего рода предлогом для упражнений в полемическом стиле, что дошли до нас в виде чернового наброска молодого Пруста, рискнувшего выступить против моральных построений русского писателя: он увидел свет лишь в посмертном

²⁰ Tolstoï L. L'esprit chrétien et le patriotisme. Paris: Perrin, 1894.

сборнике «Новая смесь» (1954). Добавим, что в редких научных публикациях, освещающих восприятие Прустом Толстого, эта работа рассматривается мимоходом, так что имеет смысл несколько расширить тот литературный контекст, в котором у Пруста возникает интерес к русскому писателю.

Заметим для начала, что Толстой привлекает молодого полемиста как «властитель дум», как создатель самобытного морального учения: «Толстой сегодня, вероятно, представляет собой ум, более всего способный на истину, волю, более всего устремленную к благу. Среди всемирной лжи и всемирного зла он действует столь же жестко, как это мог делать Сократ».²¹ Тем не менее в этом панегирике явно проскальзывает ирония: уж слишком гиперболичны похвалы русскому писателю. Перефразируя в дальнейшем изложении некоторые идеи из статьи Толстого, Пруст не оставляет ироничной интонации, более того, процитировав его слова о том, что русский мужик отечества своего «совершенно не знает или если знает, то не делает между ним и другими государствами никакого различия»,²² он даже чуть перевирает текст, добавив в цитату фразу, которой нет ни в русском оригинале, ни во французском переводе: «Русский крестьянин поедет жить в любую страну, если ему будут лучше платить и т. д.». Разумеется, здесь перед нами образчик *пастиша* — более или менее ироничного подражания определенному автору, своего рода упражнение в заданном стиле, подобное тем, которыми будет заниматься Пруст, оттачивая собственное перо в пастишах на Бальзака, Гонкуров, Метерлинка, Флобера и т. п. В литературном плане пастиш для Пруста представляет собой нечто аналогичное дружбе в повседневном существовании, это — своеобразная смесь привязанности и иронии. Вместе с тем литературный пастиш не лишен терапевтического эффекта: он помогает избавиться от страха влияния; предаваясь этому любовно-ироничному подражанию, писатель ищет собственное лицо, формирует свою манеру.

То, что здесь молодой литератор пытается подражать Толстому, вновь свидетельствует о той необыкновенной власти, которой обладал русский писатель в сознании Пруста. Ирония здесь — не столько отрицание, не столько дистанцирование, сколько опыт любовного проживания другого. Вот почему даже риторический вопрос, которым задается критик после своего невинного подлога, звучит не укором, а скорее грустной констатацией: «Если бы к несчастью это было так, то доказало бы сие обстоятельство лишь то, что эгоистические чувствования преобладают над альтруистическими. И как Толстой может этому радоваться, как может он по своей воле изводить этот источник бескорыстия, которым является, по крайней мере в наши дни, патриотизм, не будучи уверенным в том, что из скалы забьет какой-то другой источник?»²³

Однако далее следует один из самых интересных пассажей в этой критике Толстого — в ответ на морализаторство русского писателя Пруст пытается сформулировать довольно жесткое положение собственной моральной позиции: «Если социализм подразумевает со стороны имущих классов, которые ему добровольно содействуют, преобладание альтруистических инстинктов, то <он. — С. Ф.>, напротив, указывает на преобладание среди бедняков эгоистических инстинктов над инстинктами альтруистическими; напротив тому, патриотизм и у одних, и у других подчиняет эгоистические инстинкты альтруистическими».²⁴ Очевидно, что молодой Пруст не только не приемлет антипатриотической проповеди Толстого, но и ставит под вопрос сочувствие

²¹ Proust M. [«L'Esprit chrétien et le patriotisme» de Tolstoï] // Proust M. Essais. P. 160.

²² Толстой Л. Н. Христианство и патриотизм // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1956. Т. 39. Статьи 1893–1898. С. 54.

²³ Proust M. [«L'Esprit chrétien et le patriotisme» de Tolstoï]. P. 160.

²⁴ Ibid.

русского писателя в отношении социализма: складывается такое впечатление, что французский литератор глухо сознает, что резкое противопоставление социализма патриотизму, которое отличает статью русского писателя, является скорее вымученным, искусственным, надуманным, во всяком случае, не отвечающим тому чувству истины, которое за ним повсеместно признавалось. Вероятно, именно по этой причине Пруст переврал Толстого в своем пастише — довел его мысль до абсурда.

Но в отклике Пруста на статью «Христианство и патриотизм» интересен еще один момент: молодой литератор отвергает не только антипатриотизм русского писателя, но и его воинственный пацифизм. Нельзя сказать, что он воспекает войну или ищет упоения в бою; скорее он идеализирует, романтизирует воинскую жизнь, она представляется ему своего рода продолжением светской жизни в других, более суровых, более мужских условиях. Напомним, что незадолго до написания отклика на статью Толстого он отслужил добровольцем в армии, с удовольствием носил военную форму, так или иначе причастился этого двойственного духа товарищества/соперничества, которым дышит офицерское собрание, а главное — сумел понять, что армия представляет собой такую же форму социума, как Церковь или светское общество — со своими законами, предписаниями, ритуалами. Вот почему он не приемлет безоговорочного пацифизма Толстого: «Наконец, что более всего возмущает Толстого в войне, так это то, что люди, которые убивают друг друга, не испытывают взаимной ненависти. Не это ли именно отдает морализмом? Ведь народ идет сражаться „из долга“, а не для удовлетворения какой-то низменной страсти. Более того, после войны между офицерами противных сторон часто не бывает ненависти».²⁵ Отклик Пруста завершается более общим рассуждением, в котором ценности Справедливости и Любви противопоставляются миру материи и силы, в котором люди часто прибегают к насилию ради того, чтобы утвердить в нем власть своих идей: анархисты хотят нового миропорядка, антисемиты готовы обратить весь мир в католичество. Здесь нет ни слова о Толстом, но создается такое впечатление, что Пруст так или иначе ощущает, что писатель, воспринимающийся современниками как светоч истины, явно перегибал палку, стремясь к торжеству своих несвоевременных идей.

Впрочем, о том, что морализаторство Толстого, в частности в области чувственной жизни, могло быть не по душе Прусту, свидетельствовало также одно высказывание из письма к ближайшему товарищу Р. Ану, где он размышлял о превратностях существования молодого человека, переживающего период «воспитания чувств»: «Возможно, было бы величественно, но совсем не естественно жить в нашем возрасте так, как того требует Толстой».²⁶ В этом отношении необходимо напомнить, что жить естественной, а не величественной жизнью означает для юного Пруста воспринимать свое влечение к молодым людям как проклятие, как нечто предосудительное в глазах общества, но для него самого оно было чем-то естественным, неизбывной чувственной стихией его естества.

Несмотря на это дистанцирование Толстой-художник продолжает волновать Пруста; более того, само имя русского писателя становится именем-символом, которое может характеризовать эпоху. В одном из писем 1903 года, рассуждая о положении католицизма в современной Франции, литератор подчеркивает, что даже антирелигиозные тенденции XVIII и XIX веков не смогли одолеть духа христианства, являющегося умственной опорой Европы: «Даже с точки зрения христианства, от Вольтера до Ренана проделанный путь (проделанный в сторону католицизма) огромен. Сам Ренан хотя

²⁵ Ibid. P. 161.

²⁶ Proust M. Correspondance. T. 2. P. 105.

и антихристианин, все равно христианизирован... Век Карлейля, Рёскина, Толстого, пусть даже он был бы веком Гюго или даже Ренана (не говорю даже, должен ли он стать веком Шатобриана и Ламартина), не может быть антирелигиозным. Даже Бодлер тянется к Церкви, пусть и через святотатство».²⁷ Здесь интересно не только, что Пруст вновь ставит русского писателя в один ряд с самыми дорогими для него авторами, творения которых, характеризуясь антирелигиозными тенденциями, отличают минувший век. Важно, что путь Толстого оказывается существенным, хотя и парадоксальным подспорьем в защите и прославлении христианской культуры, которые составляют одну из самых существенных движущих интеллектуального становления Пруста на рубеже веков, достигнув кульминации в статье «Смерть соборов» (1904), направленной против закона о разделении церкви и государства.²⁸ Разумеется, Пруст не знал, что незадолго до этого Толстой написал предисловие к сборнику афоризмов Рёскина «Воспитание. Книга. Женщина», но то обстоятельство, что имя русского писателя соседствовало в его сознании с именем английского искусствоведа и мыслителя, сочинения которого он высоко ценил, изучал и переводил, наглядно свидетельствует о том, что образ русского писателя переплетается в мыслях начинающего романиста с самыми видными фигурами его персонального пантеона.

Добавим, что Пруст отлично знал биографию английского писателя, знал он и о недуге, которым тот страдал в последние годы жизни. В этом плане любопытной представляется та деталь, что, рассуждая о помешательстве Рёскина, Пруст невольно сближает его с моральным ригоризмом Толстого, оговариваясь, правда, что это — другой случай: «Рёскин скончался после, как говорят, некоего психического заболевания; и это характерно для нашего времени, что все наши „мудрецы“ были в той или иной степени безумцами — от Огюста Конта до Ницше (не скажем «и Толстого», поскольку он всего лишь чудак) и Рёскина».²⁹ Сходный мотив возникает в другом этюде о Рёскине, где, рассуждая о потребности в искренности как главной движущей силе творчества английского мэтра, Пруст вновь упоминает жизнь Толстого как тип существования художника, в котором мораль возобладала над искусством: «В каждой строчке его сочинений, равно как в каждом моменте его жизни, чувствуется эта потребность в искренности, которая противостоит идолопоклонству, которая провозглашает его тщеславие, которая унижает красоту перед долгом, пусть и неэстетичным. Не буду приводить примеры из его жизни (которая не была, как жизнь Расина, Толстого или Метерлинка, сначала эстетической, а затем моральной, в которой мораль сразу заявила о своих правах в лоне самой эстетики — возможно, так и не освободившись от последней в полной мере, как это произошло в жизни процитированных Мастеров)».³⁰ Этот мотив уточняется в письме к певцу «национальной энергии» М. Барресу (1862–1923), с которым Пруста связывали тесные литературные отношения, несмотря на резкие политические разногласия: «Да, я говорил, что жизнь Расина, Паскаля, Толстого, Метерлинка была двухчастной. Мне эта идея нравится. И как только какая-нибудь газета захочет публиковать мои статьи, если такой день когда-нибудь настанет, я напишу работу под названием „Как прекрасна жизнь, что начинается с искусства и завершается моралью“, она будет о Метерлинке, но в ней я буду говорить также о Расине, Паскале, Толстом, наде-

²⁷ Ibid. T. 3. P. 386.

²⁸ Proust M. La mort des cathédrales. Une conséquence du projet Briand sur la séparation // Proust M. Essais. P. 251–269. См. рус. пер.: Пруст М. Памяти убитых церквей / Пер. с фр. И. И. Кузнецовой. М., 1999.

²⁹ Proust M. Pèlerinages ruskiens en France // Proust M. Essais. P. 211.

³⁰ Ibid. P. 533.

юсь тем временем и еще кого-нибудь подыскать».³¹ Прусту не довелось написать такой статьи, но этот мотив двухчастной жизни художника сказывается в других отрывках, которые он посвящает Толстому в эти годы.

Наконец, в одном из этюдов об английском искусствоведе и мыслителе Пруст вновь сближает Толстого и Рёскина, подчеркивая парадоксальное сродство двух моральных позиций: «Толстой говорит: „Возлюби ближнего больше чем самого себя; чем меньше будешь любить себя, тем больше будешь любить ближнего“. Рёскин говорил: „Возлюби ближнего как самого себя. Чем больше будешь любить себя любовью возвышенной и великой, тем более возвышенной и более величественной будет любовь, которой ты полюбишь ближнего“».³²

Напомним, что кроме фрагмента о статье «Христианство и патриотизм» перу Пруста принадлежат еще три небольших наброска о Толстом, которые предположительно были написаны в 1907–1910 годах, когда этюды *полузсеполуромана* «Против Сент-Бёва» стали перерождаться, сливаться в одно целое, приобретая тягучие формы большой прозы.

Первый набросок назван издателями «Толстой и Шекспир» и датируется январем 1907 года. Одним из главных источников текста можно считать публикацию нового французского перевода очерка «О Шекспире и о драме», вариант которого появился во Франции годом раньше, судя по всему, еще до напечатания оригинала в «Русском слове» в ноябре 1906 года.³³ Но непосредственным поводом к его написанию стала анкета «Толстой и Шекспир», которую журнал «Les Lettres» распространил среди французских литераторов, деятелей культуры и политиков, реагируя таким образом на те кривотолки, что вызвала книга известного журналиста и литературного критика Ж. Бурдона (1868–1938) «Внимая Толстому. Беседы о войне и некоторых других предметах» (1904), где также прозвучали крайне резкие суждения русского писателя о великом английском драматурге. Ответы на вопросы, составленные из фрагментов книги Бурдона, были напечатаны в январском и февральском номерах журнала «Les Lettres»: всего с откликами выступили около пятидесяти деятелей французской культуры, имена которых по большей части сейчас полузабыты. Пруст тоже получил анкету из журнала, но, ссылаясь на нездоровье, писал Р. Ану, что не сможет дать свой ответ на вопросник. Тем не менее текст черновых набросков такого ответа был обнаружен в архиве писателя, причем в двух редакциях, которые были опубликованы в научном издании книги «Против Сент-Бёва» (1971), а в 2022 году были воспроизведены в новом собрании всех критических этюдов Пруста.³⁴ При чтении первой бросается в глаза не раз упоминавшаяся в нашей работе оппозиция искусства и морали, сквозь призму которой Пруст смотрит на творческий опыт Толстого. Вместе с тем в ней возникает тема «эстетической слепоты», которой могут страдать даже гении или истинные ценители искусства. Во второй редакции эта тема получает развитие, но также обрывается. Строго говоря, собственно о Толстом в обоих отрывках говорится немного, но они обладают безусловной ценностью исторического свидетельства о меняющемся характере эстетической позиции самого Пруста, который со временем становится все более требовательным к тем художникам, которых он в своих «Поисках» выбирает себе в провожатые.

Наконец, четвертая заметка о Толстом: она также представляет собой черновой набросок, но включалась почти во все издания книги «Против Сент-Бёва»,

³¹ Proust M. Correspondance. T. 4. P. 92–93.

³² Proust M. Pèlerinages ruskiens en France // Proust M. Essais. P. 324.

³³ Tolstoï L. Shakspeare et le drame / Trad. E.-L. Okrent. Paris: Collection internationale, [1905]. Второй пер.: Tolstoï L. Shakspeare // Revue bleue. 1906. 1 décembre. P. 681–686.

³⁴ Proust M. [Tolstoï et Shakespeare] // Proust M. Essais. P. 395–397.

поэтому более всего известна, в том числе в русском переводе.³⁵ Этот набросок в полторы страницы чрезвычайно насыщен, Пруст в нем буквально переходит на сторону Толстого, более того, защищает и прославляет русского писателя, видя в нем уже не моралиста, а гениального романиста, произведения которого характеризуются строгой «интеллектуальной конструкцией».

Важно, что эта «защита и прославление» русского гения создается в полемической стихии *против*, равно как и все критические этюды книги «Против Сент-Бёва»: Пруст откликается на смерть Толстого, скончавшегося 7 ноября 1910 года, но атакует он, судя по всему, авторитетного литературного критика и писателя, члена Французской академии П. Бурже (1852–1935), утверждавшего в своей статье, опубликованной 21 ноября 1910 года, что гений Толстого «варварски несовершенен», что его романы лишены «композиции», что русскому писателю не сравниться с Бальзаком: «Достаточно сравнить его с другими мастерами — Бальзаком, Мольером, Шекспиром, чтобы признать, что ему недостает <...> одного качества, без которого не бывает совершенных шедевров. Это качество в классической риторике обозначалось очень простым понятием: композиция».³⁶ Пруст отвечает резко, прибегнув для пушей убедительности к весьма натуралистическому сравнению: «В наше время Бальзака ставят выше Толстого. Это — безумие. Бальзак антипатичен, гримасничает, смехотворен, судит о людях с точки зрения литератора, жаждущего создать великую книгу; Толстой — умиротворенный бог. Бальзак преуспевает в том, чтобы произвести впечатление величественного; у Толстого все величественно от природы: это как помет слона в сравнении с пометом козы».³⁷ Возможно, что здесь Пруст тоже перегибает палку, хотя столь резкие суждения о Бальзаке в общем и целом соответствуют тем критическим оценкам творчества автора «Человеческой комедии», что рассыпаны по этюдам, относящимся к замыслу книги «Против Сент-Бёва». Но главный парадокс этой защиты и прославления Толстого заключается в другом: пытаюсь представить русского писателя в виде мудреца, которому изнутри ведомы основные законы бытия, делая упор на продуманности, рациональности построения его романов, Пруст предвосхищает и воспроизводит почти дословно те доводы, которые позднее будет приводить в защиту своего собственного романа, также представлявшегося первым критикам аморфным, вялотекущим, лишенным композиции. Согласно Прусту, Толстой обнаруживает и излагает «рациональные» или «иррациональные» законы человеческого существования, каждый жест, каждое слово, каждое действие персонажа представляют собой не просто описание, но «значение некоего закона»: «мы ощущаем, что движемся внутри множества законов».³⁸ Очевидно, что Пруст переносит на поэтику Толстого свое восприятие «закона» как универсального принципа человеческого бытия, не только отличающего его от природы, но и выражающего его природное естество: законы действуют как в мире, так и на войне, как в социуме, так и в индивидуе, как в любви, так и в смерти. Заметим, в заключение этой работы, что не принимая обвинений в том, что его роман представляет собой пустопорожнее «копание в деталях», Пруст обронил в свою защиту несколько слов, в которых можно расслышать отголоски его страстной защиты Толстого: «Я искал великие законы, а меня называли копателем деталей».³⁹

³⁵ Proust M. Tolstoï (Novembre 1910?) // Ibid. P. 413–414; Пруст М. Толстой // Пруст М. Против Сент-Бёва: Статьи и эссе / Пер. с фр. Т. В. Чугуновой. М., 1999. С. 177–178.

³⁶ Bourget P. Tolstoï // L'Écho de Paris. 1910. 21 novembre. P. 1.

³⁷ Proust M. Tolstoï (Novembre 1910?) // Proust M. Essais. P. 413–414.

³⁸ Ibid. P. 414.

³⁹ Proust M. À la recherche du temps perdu. IV / Éd. de J.-Y. Tadié. Paris: Gallimard, 1989. P. 618.

SUMMARIES

Сергей Леонидович Фокин

профессор, кафедра романо-германской филологии и перевода СПбГЭУ;
ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Sergey Leonidovich Fokin

Professor, Department of Romance-Germanic Philology and Translation,
St. Petersburg State University of Economics; Leading Researcher,
A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-4853-985X

serge.fokine@yandex.ru

МАРСЕЛЬ ПРУСТ О Л. Н. ТОЛСТОМ: PRO ET CONTRA

MARCEL PROUST ON L. N. TOLSTOY: PRO ET CONTRA

Статья посвящена изучению той эволюции, которую претерпело восприятие М. Прустом творчества русского писателя, открывшись странствием в сторону Л. Н. Толстого и завершившись под конец «Поисков потерянного времени» своего рода отречением от благоприобретенного «толстовства».

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, М. Пруст, толстовство, снобизм, русско-французские литературные связи, мода, «светский роман».

The article explores the evolution of Proust's perception of the Russian writer's work, that begins with a drift towards Tolstoy and culminates at the end of the *Search for Lost Time* with a kind of renunciation of his self-imposed *Tolstoyism*.

Key words: L. N. Tolstoy, M. Proust, *Tolstoyism*, snobbery, Russian-French literary ties, fashion, «high society novel».

Список литературы

1. Ерофеев В. В. Пруст и Толстой // Толстой и наше время. М., 1978.
2. Ерофеев В. В. Толстой в оценке и восприятии Пруста // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1978. Т. 37. № 4.
3. Марсель Пруст читает Достоевского и Толстого / Вступление и пер. с фр. Н. Суслович, И. Розенталь // Вопросы литературы. 1971. № 11.
4. Окутюрье М. Первая переводчица «Войны и мира» на французский язык княгиня Ирина Паскевич // Материалы I Международного семинара переводчиков произведений Л. Н. Толстого. Ясная Поляна, 2007.
5. Пруст М. Памяти убитых церквей / Пер. с фр. И. И. Кузнецовой. М., 1999.
6. Пруст М. Сторона Германтов / Пер. с фр., предисловие, прим. Е. Баевской. М., 2020.
7. Пруст М. Таинственный корреспондент. Новеллы / Пер. с фр. и комм. С. Л. Фокина. М., 2021.
8. Пруст М. Толстой // Пруст М. Против Сент-Бёва: Статьи и эссе / Пер. с фр. Т. В. Чугуновой. М., 1999.
9. Рогалев А. Ф. «Une russe» — первый переводчик романа Л. Н. Толстого «Война и мир» на французский язык // Вестник Самарского гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2003. № 2. С. 4–9.
10. Таганов А. Н. Обретение книги: Марсель Пруст в поисках утраченного времени. М., 2022.
11. Толстой Л. Н. Христианство и патриотизм // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1956. Т. 39. Статьи 1893–1898.

12. Фокин С. Пруст, которого мы не знали [Рец. на: Proust Marcel. Le Mystérieux correspondant et autres nouvelles inédites. Suivi de «Aux sources de la „Recherche du temps perdu“» / Textes transcrits, annotés et présentés par Luc Fraisse. Paris, 2019] // Новое литературное обозрение. 2020. № 5.
13. Chardin Ph. De la contemplation du grand ciel tolstoïen au dialogue critique: Proust lecteur de Tolstoï // L'ours et le coq. Paris: Presse de la Sorbonne nouvelle, 2000.
14. Chardin Ph. Tolstoï (Léon) // Dictionnaire Marcel Proust / Publ. sous la dir. de A. Bouil-laguet et B. G. Rogers. Paris, 2004.
15. Ferré A. Les années de collège de Marcel Proust. Paris: Gallimard, 1959.
16. Henry A. «Les Plaisirs et les jours»: Chronologie et métempsychose // Cahiers Marcel Proust. 1973. № 6.
17. La jalousie: Tolstoï, Svevo, Proust / Études recueillies par J. Bessière. Paris: H. Champion, 1996.
18. Linstrom T. S. Tolstoï en France (1886–1910). Paris: Institut des études slaves, 1952.
19. Proust M. À la recherche du temps perdu. IV / Éd. de J.-Y. Tadié. Paris: Gallimard, 1989.
20. Proust M. Correspondance / Texte établi, présenté et annoté par Ph. Kolb. Paris: Plon, 1989. T. 1, 2, 4, 18.
21. Proust M. Essais / Éd. publ. par A. Compagnon, C. Pradeau et M. Vernet. Paris: Gallimard, 2022.
22. Proust M. Jean Senteuil, précède de Plaisirs et les jours. Paris: Gallimard, 1971.

References

1. Chardin Ph. De la contemplation du grand ciel tolstoïen au dialogue critique: Proust lecteur de Tolstoï // L'ours et le coq. Paris: Presse de la Sorbonne nouvelle, 2000.
2. Chardin Ph. Tolstoï (Léon) // Dictionnaire Marcel Proust / Publ. sous la dir. de A. Bouil-laguet et B. G. Rogers. Paris, 2004.
3. Erofeev V. V. Prust i Tolstoi // Tolstoi i nashe vremia. M., 1978.
4. Erofeev V. V. Tolstoi v otsenke i vospriatii Prusta // Izv. AN SSSR. Ser. literatury i iazyka. 1978. T. 37. № 4.
5. Ferré A. Les années de collège de Marcel Proust. Paris: Gallimard, 1959.
6. Fokin S. Prust, kotorogo my ne znali [Rets. na: Proust Marcel. Le Mystérieux correspondant et autres nouvelles inédites. Suivi de «Aux sources de la „Recherche du temps perdu“» / Textes transcrits, annotés et présentés par Luc Fraisse. Paris, 2019] // Novoe literaturnoe obozrenie. 2020. № 5.
7. Henry A. «Les Plaisirs et les jours»: Chronologie et métempsychose // Cahiers Marcel Proust. 1973. № 6.
8. La jalousie: Tolstoï, Svevo, Proust / Études recueillies par J. Bessière. Paris: H. Champion, 1996.
9. Linstrom T. S. Tolstoï en France (1886–1910). Paris: Institut des études slaves, 1952.
10. Marsel' Prust chitaet Dostoevskogo i Tolstogo / Vstuplenie i per. s fr. N. Suslovich, I. Rozen-tal' // Voprosy literatury. 1971. № 11.
11. Okutiur'e M. Pervaia perevodchitsa «Voiny i mira» na frantsuzskii iazyk kniaginia Irina Paskevich // Materialy I Mezhdunarodnogo seminara perevodchikov proizvedenii L. N. Tolstogo. Iasnaia Poliana, 2007.
12. Proust M. À la recherche du temps perdu. IV / Éd. de J.-Y. Tadié. Paris: Gallimard, 1989.
13. Proust M. Correspondance / Texte établi, présenté et annoté par Ph. Kolb. Paris: Plon, 1989. T. 1, 2, 4, 18.
14. Proust M. Essais / Éd. publ. par A. Compagnon, C. Pradeau et M. Vernet. Paris: Gallimard, 2022.
15. Proust M. Jean Senteuil, précède de Plaisirs et les jours. Paris: Gallimard, 1971.
16. Prust M. Pamiati ubitykh tserkvei / Per. s fr. I. I. Kuznetsovoi. M., 1999.
17. Prust M. Storona Germantov / Per. s fr., predislovie, prim. E. Baevskoi. M., 2020.
18. Prust M. Tainstvennyi korrespondent. Novelly / Per. s fr. i komm. S. L. Fokina. M., 2021.
19. Prust M. Tolstoi // Prust M. Protiv Sent-Béva: Stat'i i esse / Per. s fr. T. V. Chugunovoi. M., 1999.
20. Rogalev A. F. «Une russe» — pervyi perevodchik romana L. N. Tolstogo «Voyna i mir» na frantsuzskii iazyk // Vestnik Samarskogo gos. un-ta. Ser. «Gumanitarnye nauki». 2003. № 2.
21. Taganov A. N. Obretenie knigi: Marsel' Prust v poiskakh utrachennogo vremeni. M., 2022.
22. Tolstoi L. N. Khristianstvo i patriotizm // Tolstoi L. N. Poln. sobr. soch.: V 90 t. M., 1956. T. 39. Stat'i 1893–1898.